

Переворот 9 термидора
глазами члена Комитета общественного спасения
Екатерина Таланян

Опубликовано в альманахе "Европа".
Вып. 5. Тюмень, 2005

Переворот 9 термидора остается одним из наиболее спорных моментов в историографии Французской революции. Среди его основных причин обычно называют произошедшие к лету 1794 г. изменения во внутри- и внешнеполитическом положении Франции: на фоне улучшения ситуации в экономике и обстановки на фронтах, в стране нарастало недовольство диктаторским режимом управления, осуществлявшимся Комитетом общественного спасения, и террором, усилившимся после принятия знаменитого закона 22 прериаля о реформировании Революционного трибунала. Кроме того, напряженной была обстановка внутри самих руководящие органы страны – Конвента и его «Великих Комитетов» (Комитетов общественного спасения и общей безопасности), в чьих стенах все более обостренно воспринимали усиление влияния М.Робеспьера. Из-за размаха террора никто из депутатов не мог быть уверен в том, что он сам не окажется в Революционном трибунале в качестве подсудимого, особенно это касалось тех из них, кто подвергался критике за допущенные в миссиях злоупотребления (Ж.Фуше, П.Барраса). Внутри Комитетов постепенно складываются две противостоящие группировки: одна вокруг Робеспьера, а другая – вокруг Ж.-Н.Бийо-Варенна и Ж.-М.Колло-д'Эрбуа. Их борьба, наряду с другими причинами, в итоге и привела, по мнению многих историков, к перевороту 9 термидора, повлекшему за собой арест и казнь робеспьеристов и конец диктатуры монтаньяров¹. Оценки переворота 9 термидора в исторической литературе весьма неоднозначны. Если одни историки видят его, как роковое событие, полностью изменившее ход революции, пресекшее, уничтожившее едва ли не все; завоевания предыдущего периода² и положившее начало контрреволюции³, то другие, напротив, полагают, что этот переворот – всего лишь один из этапов революции, полностью соответствующий логике ее развития⁴, а третьи и вовсе отмечают что «если бы не количество жертв, 9 термидора скорее представлялось бы не событием»⁵. При этом в современной историографии исследуются, в основном, более глобальные проблемы периода диктатуры монтаньяров, тогда как количество исследований, посвященные собственно перевороту, весьма невелико⁶. К тому же нередко основное внимание историков сосредотачивается либо на Робеспьере и его сторонниках, либо на организаторах заговора, которыми обычно считаются Фуше и Баррас⁷. Вместе с тем, практически все, кто писал о событиях 9 термидора (как современники, так и историки), сходятся на том, что исход переворота целиком зависел от позиции членов Комитета общественного спасения⁸. Выразителем же позиции Комитета по отношению к происходящему стал Бертран Барер. Именно он был одним из основных докладчиков Комитета общественного спасения, обладал огромным авторитетом в Конвенте, высказывался в 1793-1794 гг. от имени Комитета по большинству основных политических вопросов и поэтому воспринимался депутатами как выразитель официальной точки зрения. Вот почему, как мне представляется, депутаты вызывают Барера на трибуну 9 термидора сразу после безуспешной попытки Робеспьера получить слово, и только вслед за этим выступлением чаша весов склоняется на сторону заговорщиков.

Барер приобрел определенную известность в Париже еще до революции, когда приезжал туда для участия в судебном процессе в 1788 году и встречался со многими представителями либеральной интеллигенции. После избрания депутатом Генеральные Штатов он быстро стал популярным, выступая с речами и вступая в дебаты по ключевым вопросам: провозглашение; Учредительного собрания, Декларация прав человека и гражданина, обсуждение Конституции. Кроме того, Барер принимал активное участие в работе различного рода комитетов. Не имея возможности быть избранным в Законодательное собрание, он становится членом Кассационного суда департамента Верхние Пиренеи. Однако уже в сентябре 1792 года Барер возвращается к политической деятельности: он становится депутатом Конвента, где снова участвует в работе комитетов (сначала входит в состав комитета по законодательству, а с октября 1792 года – в Конституционный комитет). В начале работы Конвента Барер придерживался умеренных взглядов и располагался на скамьях Равнины. Сотрудничая как с левыми, так и с правыми, в ноябре 1792 года Барер был избран председателем Конвента, и в эти же дни перед судом предстал Людовик XVI. На процессе короля Барер голосовал вместе монтаньярами, требовал смертной казни и выступал против всенародного волеизъявления по этому вопросу, а также против отсрочки приговора. В это время взгляды Барера еще больше «левеют», что заметно и по парламентским выступлениям: стоя на позиции защиты частной собственности, он начинает требовать ужесточения законодательства против эмигрантов и учреждения Революционного трибунала. В апреле 1793 года Барер наибольшим количеством голосов был избран в Комитет общественного спасения, став постоянным его членом и бессменным докладчиком. После событий 31 мая – 2 июня 1793 года Барер окончательно примкнул к монтаньярам. С лета 1793 года начался наиболее плодотворный период его деятельности: он один или в сотрудничестве с другими членами Комитета занимался проблемами внешней политики, армии и флота, образования и культуры, отвечал за распоряжение землей и имуществом эмигрантов.

Однако несмотря на популярность в Конвенте, личность Барера неоднозначно оценивалась современниками. По большей части, в их воспоминаниях преобладают отрицательные характеристики⁹. Так, например, по мнению судьи Революционного трибунала И.Вилата, этот «член всех партий, участник всех преступлений, ... смелый защитник сильных», не имевший устойчивых политических пристрастий и менявший свои мнения, как костюмы, обладал лишь одним даром: он с удивительной легкостью мог составлять и редактировать речи. Барер очень чутко улавливал настроения, царившие в Конвенте, – беседуя то с одним, то с другим, ловко использовал идеи каждого, поэтому во время выступления практически все находили в его словах отражение своих мыслей¹⁰. Но в то же время некоторые современники признавали за Барером и определенное положительное качество¹¹. В частности, представитель жирондистского крыла Конвента, А.Мейан считал, что Барер был одновременно амбициозным и слабым политиком и, полностью осознавая это, удовольствовался второстепенной ролью. Именно из этого проистекают и его переходы от одного «знамени под другое – то, за которым в тот момент оставалась победа»¹². При этом Барер был наделен ценным даром: он умел представлять факты в наиболее выгодном свете и отвлекать внимание от неудач. Кроме того, Барер отличался гигантской работоспособностью и постоянным стремлением сделать как можно больше, чтобы зарекомендовать себя незаменимым человеком и всегда оставаться во власти. Не имея устойчивых убеждений, он, в то же время, как представлялось Мейану, не был злым человеком, но обладал определенным величием души и чувствительностью¹³. Такая неоднозначность не удивительна, так как и сами политические взгляды и пристрастия Барера остаются весьма спорными. В их определении нет единства ни среди современников, ни среди историков, изучающих Французскую революцию. Одни считают его близким по взглядам к жирондистам и правой части Конвента¹⁴, другие пишут, что Барер был на стороне Робеспьера и монтаньяров¹⁵, третьи же в принципе отказывают ему в каких-либо устойчивых политических пристрастиях¹⁶.

В этой связи интересно посмотреть, как сам Барер оценивал свою политическую позицию, которую мы будем восстанавливать по текстам «Парламентских архивов» и воспоминаний Барера, сопоставляя их, где это возможно, с более поздними свидетельствами других современников. В этом случае приходится учитывать ряд неточностей, обусловленных не только тем, что воспоминания были написаны много лет спустя, но и стремлением их авторов в максимальной степени снять с себя вину за мероприятия периода Террора. В своих выступлениях в Конвенте Барер не причислял себя к какой-либо группировке, однако то, что он так долго сохранял свое влияние, на мой взгляд, свидетельствует о том, что его образ действий практически всегда совпадал с настроениями большинства. Барер пишет, что в ходе разногласия в Конвенте он занимал нейтральное положение между враждующими лагерями и оставался «спокойным наблюдателем среди их жарких дебатов»¹⁷. Такую свою позицию он объяснял тем, что, безусловно, мог бы окружить себя яростными сторонниками, если бы хотел «продавать свои мысли и перо для поддержки одной фракции против другой»¹⁸. Но все депутаты были его коллегами, и он не желал играть значительную роль в одной из враждующих группировок вместо того, чтобы выполнять свой долг народного представителя.

Автор данной статьи ставит своей целью попытаться разобраться, почему один из наиболее влиятельных членов Конвента, Бертран Барер, во многом задававший своими выступлениями настроение национального представительства, встал на сторону противников Робеспьера, хотя в течение длительного времени и поддерживал проводившийся политический курс, представить переворот 9 термидора его глазами и определить, как он оценивал последствия переворота. Как мне представляется, едва ли 9 термидора Барер решил присоединиться к противникам Робеспьера под действием сиюминутного порыва (об этом свидетельствует, в первую очередь, заранее подготовленная речь, с которой он поднялся на трибуну), а значит, и его отношение к участникам переворота сложилось заранее, и для выявления этого отношения нам необходимо обратиться к событиям предыдущего периода.

Считается, что серьезные разногласия среди членов Комитета общественного спасения начались весной 1794 года и достигли своего апогея к мессидору II года (июню 1794 г.), когда Робеспьер перестает появляться на заседаниях Комитета и полностью посвящает себя Бюро общей полиции¹⁹. В этот момент в Комитетах общественного спасения и общей безопасности складываются две противостоящие группировки: вокруг Робеспьера (Л.-А.Сен-Жюст и Ж.Кутон) и вокруг Бийо-Варенна и Колло д'Эрбуа (Барер, Ж.-П.-А.Амар, М.-Г.Вадье). Начинаются споры о дальнейших политических мероприятиях, в частности, о возможности продолжения террора и степени контроля за ним Комитетов, распределения полномочий между Комитетом общей безопасности и Бюро общей полиции. Однако противостояние членов Комитетов пока еще не стало решающим, и они, как пишет Матьез, «несомненно, под влиянием Барера»²⁰, пытались примириться, но ужесточение революционного законодательства (под давлением робеспьеристской части Комитетов), открывшее дорогу Великому Террору, не дало им такой возможности. Но, как мне представляется, разногласия в Комитетах начались гораздо раньше. По словам Барера, его трения с Робеспьером проявились еще в ходе событий 31 мая – 2 июня 1793 года, когда при поддержке парижских секций монтаньярам удалось исключить из Конвента лидеров Жиронды. Так, после выступления Барера (стремившегося решить конфликт мирным путем) с призывом выйти из здания Конвента и поговорить с собравшимся народом, Робеспьер заявил ему: «Вы только что спутали все планы, устроив неразбериху», на что Барер ответил: «Мы еще посмотрим, кто заварил всю эту кашу и устроил неразбериху»²¹. Такой диалог не был

закреплен в тексте Парламентских архивов, однако, скорее всего, он имел место, так как был засвидетельствован многими депутатами во время жерминальского суда (весной 1795 года) над бывшими членами Великих Комитетов (этот инцидент позже отметил и Барер в своей «Истории Национального Конвента»²²). А один из свидетелей даже добавил, что между Барером и Робеспьером произошла стычка, и Барер сказал Робеспьеру: «Замолчи, подлый слуга муниципалитета (Коммуны – Е.Т.)»²³. В конце лета Барер вновь вызвал недовольство Робеспьера, настояв на введении в состав Комитета общественного спасения И.Карно и К.-А.Приера из Кот д'Ор – двух, как тогда говорили, «специалистов», занимавшихся, в основном, вопросами армии. Барер считал это необходимым, поскольку, по его мнению, в Комитете не было никого, кто разобрался бы в военном деле, и тем самым он оказал большую услугу Франции, предложив Комитету этих двух «честных и трудолюбивых патриотов, без которых ... Комитету и Конвенту не удалось бы спасти родину»²⁴. Однако это предложение вызвало определенное противодействие со стороны Робеспьера, так как тот считал Карно и Приера умеренными и даже жирондистами²⁵. В то же время можно предположить, что либо Робеспьер высоко ценил авторитет Барера в Конвенте, либо в воспоминаниях Барер преувеличивает их разногласия и взаимную неприязнь того периода: существуют свидетельства, что Робеспьер защищал Барера во время атак на последнего в Якобинском клубе: «Я всегда находил Барера слабым человеком, – заявил он, – но не врагом общественного блага» (выступление 4 сентября 1793 года)²⁶. Зимой произошел еще один инцидент, свидетельствующий, на мой взгляд, о том, что количество разногласий в Комитете общественного спасения неуклонно возрастало. 6 нивоза II года (26 декабря 1793 года) Барер от имени Комитетов выступил с предложением учредить специальную комиссию при Комитете общественного спасения, состоящую из членов Комитета общей безопасности, для рассмотрения жалоб на несправедливые аресты проводившиеся комитетами надзора в коммунах. Робеспьер тогда резко выступил против этого предложения, и декрет так и не был принят²⁷. Дело в том, что несколькими днями ранее (30 фримера II года - 20 декабря 1793 года) Робеспьер сам предложил создать аналогичное учреждение, однако отличие его проекта заключалось в том, что контроль за правильностью арестов должен был осуществляться назначенными Комитетами людьми, а решающая роль при назначении комиссии отводилась Комитету общественного спасения. По предложению же Барера комиссия должна была быть создана непосредственно из членов Комитета общей безопасности. В итоге, декрет, принятый ранее по докладу Робеспьера был отменен, а голосование по новому отложено²⁸. Видимо, это была одна из первых попыток Комитетов противостоять влиянию Робеспьера в Конвенте.

Традиционно предпосылками переворота 9 термидора считаются два события начала лета 1794 года: празднование культа Верховного Существа 20 прериала II года (8 июня 1794 года) и закон 22 прериала II года (10 июня 1794 года). Эту же мысль проводил в своих мемуарах и Барер: особую роль в усилении власти и влияния Робеспьера и «его сообщников» сыграли два декрета – об учреждении культа Верховного существа и о реорганизации Революционного трибунала. Праздник Верховного Существа вызвал недовольство остальных членов Комитета: как пишет Барер, уже сам доклад Робеспьера о Верховном существе заставил некоторых депутатов Конвента задуматься о том, что существуют «планы осуществления новой революции, которая приведет к кризису, способствующему трансформации власти и правительства»²⁹. По оценке Барера, Культ Верховного Существа должен был стать логическим продолжением и завершением процесса установления диктатуры Робеспьера, выражавшегося до этого в возрастающем давлении робеспьеристов на Конвент и правительство. Однако люди, осознававшие это, в тот момент были весьма немногочисленны. И только после декретирования праздника Верховного существа явное стремление Робеспьера быть во главе Конвента стало вызывать недовольство – как среди депутатов, так и среди народа. Ему даже придумали прозвище «Революционный Папа»³⁰, что свидетельствовало о потере авторитета в глазах общественного мнения. Роковая ошибка Робеспьера заключалась, по мнению Барера, в том, что тот не придавал этому никакого значения и всего лишь два дня спустя (т.е. 22 прериала) стал инициатором закона, устанавливающего «настоящую судебную тиранию или, скорее, систему убийств с помощью революционных законов»³¹, и положившего начало эпох так называемого «Великого Террора». Вслед за законом о подозрительных от 17 сентября 1793 года, декрет 22 прериала о реорганизации Революционного трибунала ужесточил карательные меры против контрреволюционеров. Этот закон расширял круг «врагов народа» и преступлений против свободы, а также упрощал процедуру суда. Кроме того, все судебные процессы, подлежавший юрисдикции Революционного трибунала, по которым был вынесен обвинительный приговор, заканчивались смертной казнью³². Как затем напишет Барер, такая организация судебной власти была специально разработана Робеспьером, Сен-Жюстом и Кутоном, так как они хотели с ее помощью максимально увеличить количество приговоров, что позволило бы им говорить о необходимости сосредоточить власть в руках очень ограниченного круга лиц, которых нельзя было ни в чем заподозрить, то есть, по представлениям триумвиров³³, их самих. А потом, получив власть и достигнув, тем самым, цели, они смягчили бы революционные меры³⁴. Однако, по словам Барера, необычайная жестокость предлагаемого декрета заставила Комитеты общественного спасения и общей безопасности во всеуслышание заявить, что им ничего не было известно об этом проекте, несмотря на то, что он затрагивал функции Комитета общей безопасности и был вынесен на обсуждение членом Комитета общественного спасения³⁵. В итоге декрет был одобрен, однако его принятию предшествовали дебаты о возможности отложить его для более тщательного рассмотрения. Стоит отметить, что Барер, фактически, встал на сторону противников Робеспьера, то

то есть тех, кто настаивал на необходимости отсрочить принятие декрета о Революционном трибунале (Барер предложил перенести обсуждение на три дня, чтобы все депутаты могли подробно ознакомиться с текстом декрета)³⁶. Как он позже написал в «Мемуарах»: «Я тщетно требовал отложить рассмотрение этого закона. Но он был принят законодателями не столько согласием, сколько молчалием»³⁷. Голосование по декрету так и не было отложено – он был одобрен депутатами в тот же день по настоянию Робеспьера.

Степень разногласий в Комитете хорошо иллюстрируют споры о законе 22 прериаля, развернувшиеся между Робеспьером, Сен-Жюстом и Кутонем с одной стороны, и остальными членами Комитетов. Это отмечает в «Мемуарах» и Баррас, подчеркивая, что привыкший диктовать свою волю Робеспьер встретил сопротивление сторонников Бийо-Варенна и Колло-д'Эрбуа, в том числе и Барера, но последний присоединился к ним лишь потому, что противники Робеспьера были в большинстве³⁸. Барер пишет, что Кутон и Робеспьер подготовили законопроект в тайне от Комитетов, и после его принятия остальные коллеги попытались убедить их отозвать этот декрет. Однако в ответ получили обвинения в пособничестве врагам народа, что, фактически, означало объявление войны между Комитетами и триумвирами³⁹. Описывая эту историю в своих воспоминаниях, Барер говорит, что тогда в его адрес со стороны робеспьеристов прозвучала одна из первых весомых угроз. По его словам, Робеспьер-младший сказал ему, что за выпад против брата, на поведение Барера «не закроют глаза 31 мая 1794 года, как это было сделано 31 мая 1793»⁴⁰. Угрозы такого рода, по всей видимости, во многом и предопределили дальнейшее противостояние Комитетов и триумvirата. Однако, скорее всего, заявление Барера о неосведомленности Комитета о готовившемся законе – лишь попытка оправдаться. Многие исследователи приводят цитату из «Мемуаров» Фукье-Тенвиля, где он пишет, что критиковал в присутствии Бийо, Колло, Барера, Приера и Карно нововведения этого законопроекта, но они ответили, что их это не касается, так как законопроектом занимается Робеспьер⁴¹. Более того, Робеспьер в Комитете давно предлагал подготовить доклад о способах улучшить организацию и работу Революционного трибунала⁴², а постановление об учреждении Оранжевой комиссии, ставшее образцом для разработки декрета 22 прериаля, было подписано почти всеми членами Комитета, в том числе и Барером. Но с другой стороны, нет никаких свидетельств, что у Комитетов в тот период было намерение распространять подобную организацию правосудия на всю территорию страны. В «Мемуарах» Барер всячески стремился подчеркнуть, что к моменту принятия закона 22 прериаля разногласия в Комитете общественного спасения достигли апогея. По его словам, Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон были готовы на все ради того, чтобы сосредоточить власть в своих руках. Барер полагает, что у Робеспьера и его сообщников были основания верить в успех своего плана, так как им удалось узурпировать власть народа, «управляя Конвентом при помощи страха, правительством – при помощи разоблачений... в Париже» и при помощи ужаса перед Революционным трибуналом⁴³. Особенно это стало заметно после процессов над Дантоном и Эбером, и, как вспоминает Барер, остальные члены Комитета заключили договоренность сообщать противостоят обвинениям против депутатов Конвента⁴⁴. По мнению Барера, триумвиры даже планировали атаку на оппозиционных им членов Комитетов и уже готовили приказы об аресте. Причем Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон не скрывали своих намерений, заявляя, что в Конвенте вновь сформировалась партия, стремящаяся защитить врагов народа, но они смогут оградить «хороших граждан от махинаций двух Комитетов»⁴⁵. Однако в Конвенте мысли такого рода были высказаны Робеспьером лишь 8 термидора⁴⁶.

В то же время летом уже далеко зашедшие разногласия между членами Комитета никак не давали о себе знать в Конвенте. Барер продолжал выступать от имени Комитета, рассказывая о достижениях революционного правительства и военных победах, каждый раз подчеркивая, что Комитет общественного спасения как никто другой трудится на благо родине. Но видимо, все-таки среди коллег муссировались какие-то слухи о трениях между членами Комитетов, так один из депутатов, сидевший на скамьях Горы, М.-А.Бодо пишет о разговоре, состоявшемся в те дни между Бийо-Варенном, Колло-д'Эрбуа и Барером, в котором Бийо и Колло сказали Бареру, что Робеспьер возобновил слежку за ними, и начавшаяся «война будет тяжелой»⁴⁷. Еще более интересные сведения мы находим у Ж.-П.Галле, создавшего свое произведение всего лишь через несколько лет после событий и имевшего возможность общаться с их очевидцами. Он пишет о постановлении об аресте, найденном незадолго до 9 термидора у арестованного судьи Революционного трибунала, в котором фигурировали имена Бийо-Варенна, Колло-д'Эрбуа, Барера, Фрерона, Тальена и Лежандра. После этого, по словам Галле, Бийо собрал у себя всех упомянутых в постановлении и убедил их, что не стоит терять время, поскольку если они не хотят погибнуть, то «необходимо выиграть у врага в скорости»⁴⁸. Однако даже после принятия такого решения и заключения своего рода договора о единстве действий между рядом членов Комитетов общей безопасности и общественного спасения, как совершенно справедливо заметил Барант, необходимо было еще с помощью Равнины заручиться поддержкой большинства Конвента. В этом и состояла основная трудность, поскольку после 31 мая Равнина «молчаливо поддерживала Робеспьера»⁴⁹. Видимо, в этот момент и начинается сближение оформившейся в Комитетах группы с Баррасом, Фуше и их окружением, подготавливавшим переворот. Однако некоторые историки полагают, что разрыв между двумя группировками внутри правительства еще не был окончательным, члены Комитета предприняли попытку примириться, и эта инициатива опять же исходила от Барера: 4 термидора на заседании Комитета было решено поручить Сен-Жюсту доклад о состоянии Республики и попросить Робеспьера объяснить на следующем заседании (5 термидора), о каких заговорах он последнее время говорил в Якобинском клубе; Робеспьер на это согласился⁵⁰. Барер же вспоминает,

что именно Робеспьер и Сен-Жюст просили назначить на 5 термидора внеочередное совместное заседание Комитетов общей безопасности и общественного спасения, в ходе которого основным обсуждаемым вопросом стало предложение Сен-Жюста предоставить Робеспьеру диктаторские полномочия⁵¹. На мой взгляд, это как раз тот случай, когда словам Барера нельзя доверять, поскольку он пишет, что именно в тот момент его соратники убедились в необходимости свержения диктаторов. Наиболее убедительно разворачивающиеся события прокомментировал Ш. д'Эрико, специально занимавшийся переворотом 9 термидора. По его мнению, Сен-Жюст действительно выступил с предложением внести определенные изменения в управление страной: добиться еще большей унификации и централизации правительства, поставив во главе его человека, который «являлся бы воплощением Революции»⁵² (за неимением протоколов заседаний Комитета мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть сам факт этого выступления). Безусловно, такое предложение можно трактовать как проект диктатуры, но, как мне представляется, это означало бы отказать Сен-Жюсту в какой-либо политической дальновидности: обстановка в Комитете общественного спасения и без того была взрывоопасной. Кроме того, историки, посвятившие свои исследования событиям 9 термидора, отмечают, что, несмотря на отказ от предложения Сен-Жюста, согласие, хоть и видимое, было все-таки достигнуто⁵³.

И вновь борьба в Комитете внешне никак не отразилась на работе Конвента, хотя, как пишет Тибодо, там и чувствовалось «приближение бури»⁵⁴. Робеспьер продолжал выступать в Якобинском клубе с обвинительными речами против врагов Республики (не называя имен), а Комитет тем временем удалил из Парижа части Национальной гвардии. Ряд исследователей видят проявления этой «приближающейся бури» и в докладе Барера 25 июля «О сравнительном состоянии Республики 31 мая 1793 года и 7 термидора II года». По их мнению, этот доклад отмечен определенной двойственностью: с одной стороны, Барер говорит об умиротворении в стране и возможном скором переходе к конституционным формам управления, а с другой, указывает на невозможность повторения 31 мая 1793 года, которое требуют отдельные заговорщики (прямой упрек Робеспьеру)⁵⁵. Но, на мой взгляд, такой вывод не совсем корректен. Стоит напомнить, что в Париже уже в течение нескольких дней отмечалась беспокойная обстановка, а утром 7 термидора в Конвенте появилась депутация Якобинского клуба с требованием повторения 31 мая и чистки Конвента. Поэтому, как мне представляется, речь Барера была вынужденной, и основной его задачей стало успокоение царившего в Париже волнения и присутствовавших на трибунах санкюотов, ассоциировавших Комитет общественного спасения, в первую очередь, с именем Робеспьера. Барер в этой ситуации прибегает к своему излюбленному приему – сравнению и противопоставлению положения Франции двух периодов: «В противоположность бедственному состоянию разобщенности (противостояния Горы и Жиронды в Конвенте и последовавшей за изгнанием жирондистов гражданской войны – Е.Т.) во Франции в эпоху 31 мая – состояние благополучия и примирения в настоящий момент»⁵⁶. Иными словами, Барер практически отрицает даже самую возможность появления каких-либо разногласий в правительственных кругах. Кроме того, принимая во внимание очень осторожное поведение Барера, едва ли можно поверить, что он взял бы на себя такую ответственную и опасную для жизни задачу, как предупреждение враждующих сторон о приближении развязки⁵⁷, даже несмотря на то, что его личные разногласия с Робеспьером были уже достаточно серьезными. Как мне представляется, Барер, зная о заговоре, до последнего момента, то есть до прямых угроз в свой адрес, не был намерен окончательно встать на сторону заговорщиков.

Начало перевороту 9 термидора положила знаменитая речь Робеспьера «Против новых фракций и коррумпированных депутатов», с которой он выступает 8 термидора в Конвенте, призывая к очищению национального представительства от предателей заговорщиков, но не называя никаких имен. По мнению большинства историков⁵⁸, это-то и стало его роковой ошибкой, поскольку уже никто из депутатов не мог чувствовать себя в безопасности, что и склонило их на сторону противников Робеспьера. В «Мемуарах» Барер пишет, что в этой речи сквозь «завесу косвенных и искусственных обвинений против членов Комитетов и Конвента» многие уловили намек на стремление Робеспьера к тирании. Имя самого Барера не было названо, однако Робеспьер затронул тему докладов о состоянии армии (которые обычно представлял Конвенту именно Барер), и, по его мнению, эти доклады были составлены и преподнесены Конвенту с такой легкостью, будто одерживаемые победы ничего не стоили для республики⁵⁹. Как мне представляется, хотя это и не выглядело прямым обвинением, но по сути именно им и являлось. Несмотря на это, Барер, в отличие от других участников заговора, занял выжидательную позицию. В то время как те потребовали отправить речь Робеспьера на рассмотрение в Комитеты под предлогом того, что некоторые допущенные в ней неточности могут быть неправильно истолкованы и принесут вред Конвенту (так, например, аргументировал свое предложение Бурдон из Уазы⁶⁰), Барер выступил за немедленную ее публикацию, так как, по его словам, французы смогут отличить правду от лжи, и «в свободной стране нет такой правды, которую надо было бы скрывать»⁶¹. На утреннем заседании 9 термидора, когда противостояние уже было в самом разгаре (Сен-Жюст начал выступать с речью, осуждающей действия Комитета, в отсутствие его членов, и был прерван Тальеном) Барер ограничился лишь представлением декрета, подготовленного Комитетами накануне и провозглашающего ответственность руководителей Национальной гвардии Парижа за безопасность национального представительства⁶², а также прочел воззвание к парижским секциям. В этой прокламации Комитет общественного спасения призывал народ Парижа помочь Конвенту в сохранении гражданские свобод в той ситуации, когда «некоторые граждане позволили авторитету нескольких

народных представителей увлечь себя»⁶³, что представляло угрозу целостности Собрания и могло привести к гибели республики. Безусловно, в таких словах можно уловить намек на Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона, но все-таки Барер не обвинял никого конкретно: он выступал очень осмотрительно, повторяя общие фразы об интригах врагов свободы без прямых упоминаний о триумвирате. Барер открыто разоблачает планы Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона, лишь после того, как депутаты потребовали, чтобы Барер выступил от имени Комитетов вместо просившего слова Робеспьера: «Долой тирана! Слово Бареру!»⁶⁴. На мой взгляд, Барер, безусловно, был подготовлен к разворачивающимся событиям, был готов выступить от имени Комитетов, но, скорее всего, ждал, как разрешится сложившаяся ситуация, и только осознав, что большинство поддержит противников Робеспьера, вышел на трибуну.

Очевидцы и непосредственные участники событий 9 термидора П.Баррас и А.Тибодо пишут в своих воспоминаниях, что в обстановке неуверенности, царившей в Конвенте, исход атаки на Робеспьера был далеко неоднозначен, поэтому Барер, верный своей тактике выжидать и вставать на сторону сильнейшего, готовясь к выступлению, подготовил для себя две речи: одну против, а другую за Робеспьера⁶⁵. Но кроме этого, мне представляется также весьма обоснованной мысль Баранта о том, что высказывания Барера указывали Конвенту определенной вектор поведения, которого нужно было придерживаться⁶⁶, и требования депутатов предоставить слово Бареру закономерно, так как в тот момент все ждали его оценки происходящего (иными словами выражения мнения Комитетов). Таким образом, Барер стал своего рода посредником между Конвентом и Комитетами, что и обеспечило свержение Робеспьера. На вечернем заседании Барер, выступая от имени Комитетов, выдвигает целый ряд обвинений в адрес Робеспьера и его сообщников. По словам Барера, Комитеты больше не могли скрывать от самих себя правду. Они подверглись атаке, их деятельность приостановлена, а доверие к правительстве подорвано группой лиц, пытавшихся начать процесс против тех, кто осуждал тиранию (видимо, подразумеваются оппозиционные Робеспьеру члены Комитетов). Эти люди хотели уничтожить всех, кто обладал энергией и кого можно назвать настоящими республиканцами, и теперь они стремятся спровоцировать народные волнения и «захватить власть, благодаря подготовленному кризису» (в этот момент Робеспьер в Коммуне подписывает прокламацию к Парижским секциям с призывом начать восстание). В такой ситуации национальное представительство должно взять инициативу в свои руки и не допустить наступления на Комитеты, без которых «правительство уже давно бы погибло, ... и которые так долго были щитом и опорой центральной власти»⁶⁷. Барер призывает Конвент выразить недоверие людям, занимающим ряд высоких должностей (речь идет, в первую очередь, о Робеспьере), что даст возможность Комитетам общественного спасения и общей безопасности опровергнуть факты, обнародованные накануне Робеспьером в его выступлении. Кроме того, Барер предлагает на рассмотрение Конвента разработанные Комитетами меры по обеспечения общественного спокойствия в ситуации, к которой привели личные амбиции некоторых членов Конвента⁶⁸. После принятия декрета об объявлении вне закона Робеспьера и других заговорщиков Барер вновь выступает от имени Комитетов и говорит, что «ужасный заговор, готовившийся под видом патриотизма узурпаторами общественного мнения, раскрыт»⁶⁹, и теперь необходимо срочно принять меры против мэра и руководства Национальной гвардией Парижа (объявить всех лиц, отдающих приказы о вооруженном мятеже против Конвента, вне закона), поддерживающих и укрывающих у себя заговорщиков, так как своими действиями они узурпируют власть национального представительства⁷⁰.

В последующие несколько дней Барер ежедневно выступает в Конвенте, сообщая депутатам все новые и новые подробности заговора Робеспьера и его сообщников, и от имени Комитетов предлагает декреты, позволяющие максимально быстро избавиться от «пагубных последствий преступлений», основное из которых заключалось в стремлении установить диктатуру. Доказательства таких намерений и представлял Конвенту Барер от имени Комитета общественного спасения⁷¹. Мне хотелось бы отметить, что такие же, хотя и более эмоционально окрашенные, обвинения он повторит и в «Мемуарах». Необходимо подчеркнуть, что в это время, в отличие от более позднего, в основном вина за произошедшее возлагалась на Робеспьера, о Сен-Жюсте, Кутоне и других арестованных Барер говорил лишь как о «сообщниках тирана», даже не называя их по именам. Так, 10 термидора Барер в докладе «О деталях заговора Робеспьера и его сообщников» заявляет, что один человек чуть были не разжег гражданскую войну, получив возможность «неполитическими» методами управлять «волей, обсуждениями и движением»⁷² наиболее известного и самого большого народного общества (Якобинского клуба), что позволило тирану незаметно начать доминировать над общественным мнением, которое, в свою очередь, является «единственным правителем свободного народа»⁷³. По словам Барера, Робеспьер поставил под свой контроль народные общества и революционную судебную власть, после чего не стало никакого необходимого для сохранения свободы Конвента, правительства и «законного равенства»⁷⁴ противовеса его влиянию. Кроме того, по словам Барера, изменения затронули и сознание общества, которое было подчинено цензуре, настоящий патриотизм был поставлен на службу заговору, а общественная мораль трансформировалась в религиозные предрассудки (видимо, речь идет о культе Верховного существа). Все это, на его взгляд, обуславливалось «политическим фанатизмом заговорщиков»⁷⁵, стремившихся искоренить любые противоположные их намерениям идеи. Барер считает, что тирания взглядов наряду с цензурой печати во все времена являлись симптомами, свидетельствующими об утрате свободы⁷⁶, это же можно было наблюдать и в эпоху Робеспьера. И как только деспотизм, скрывавшийся под видом популярности, был уничтожен, «спокойствие воцарилось во всех умах, доверие оживило все души, и граждане смогли

дышать свободно»⁷⁷. И теперь, когда заговор раскрыт и предотвращен, только сторонники заговорщиков осмеливаются требовать специальные доказательства для осуждения обвиняемых, поскольку «наступление на Национальное представительство, узурпация всех ветвей власти, планы упразднения революционного правительства и замена общей воли волей одного человека не могут быть незаметными и безнаказанными преступлениями»⁷⁸.

По мнению Барера, провал триумвиров был обусловлен тем, что, несмотря на активную подготовку, им так и не удалось завершить основное, что было необходимо для удаи их заговора: они не смогли полностью парализовать ход работы революционного правительства, так же, как раньше они ничего не сделали для его организации. Напротив, Робеспьер и Сен-Жюст удалились от повседневной деятельности, считая недостойным для себя «обращать внимание на мелочи в деле спасения родины (sauver la Patrie en détails)»⁷⁹ – их преступление в том, что они стремились оставить за собой высшие функции управления и наполнить правительственные комитеты, комиссии, Революционный трибунал и все остальные государственные структуры своими ставленниками без учета мнения депутатов Конвента. Теперь, когда Конвенту предстоит исправлять их ошибки, реорганизация таких важных институтов, как, например, Революционный трибунал, должна проводиться осторожно, с той «мудростью, которая улучшает, не ослабляя и не разрушая»⁸⁰. Действительно, Барер говорит не об упразднении, а лишь о чистке такого «спасительного для республики института, который предназначен для устранения врагов»⁸¹, как Революционный трибунал. Судя по «Парламентским архивам», Барер в принципе не предлагал, на том этапе, упразднить какие-либо структуры власти, появившиеся в предыдущий период. Он лишь настаивал на изменении их состава, поскольку, на его взгляд, «ошибочными и мстительными являются не институты»⁸², но методы, с помощью которых люди, входящие в состав этих институтов, выполняют свои функции.

Однако если видение Барером преступлений Робеспьера и его сообщников в выступлениях в Конвенте и в «Мемуарах» не отличается то совсем по-другому выглядит оценка Барером самого переворота и последовавших за ним событий. В речах, произнесенных перед Конвентом, Барер, безусловно, приветствует переворот, как победу над диктатурой, расчистившую дорогу революции, в «Мемуарах» же он, напротив, пишет, что «9 термидора уничтожило силу революции»⁸³. Свое мнение он аргументирует тем, что в итоге к власти пришел «жирондистский роялизм»⁸⁴ (напомним, что вскоре за переворотом 9 термидора последовали возвращение в Конвент исключенных депутатов-жирондистов и отказ от политики периода диктатуры монтаньяров), к которому не замедлило примкнуть Болото, всегда поддерживавшее сильного, и депутаты в миссиях, злоупотреблявшие своими полномочиями. Барер считает, что это не могло не сказаться на дальнейших событиях и привело к осуждению настоящих революционеров, то есть членов Комитетов, выступившие против Робеспьера. На мой взгляд, такое резкое противопоставление обусловлено изменением роли самого Барера в революции. Ведь летом 1794 года Барер находился на пике своей политической карьеры, он продолжал выступать от имени Великого Комитета общественного спасения, только что спасшего Францию от угрозы диктатуры.

Но уже с конца лета – начала осени положение начинает меняться: среди депутатов Конвента постепенно нарастает и начинает проявляться открытое недовольство политикой Комитета в предыдущий период. Именно к этому времени относятся первые нападки на членов Комитета общественного спасения со стороны других участников переворота 9 термидора. Один из них – Л.Лекуантр из Версаля – предлагает на рассмотрение Конвента длинный список обвинений против семи членов Комитетов общественного спасения и общей безопасности: Бийо-Варенна, Колло-д'Эрбуа, Барера, Вадье, Ж.-А.Вулана, Амара и Ж.-Л.Давида. Основное преступление этих людей, по мнению Лекуантра, в том, что они своими действиями способствовали распространению системы Террора, не поставили Конвент в известность об отсутствии Робеспьера в Комитете в течение нескольких недель накануне 9 термидора и не приняли необходимые меры⁸⁵. Но в тот период позиции членов Великого Комитета были еще слишком сильны, чтобы Конвент одобрил обвинения против них. Тем не менее увеличивающийся поток критики работы Комитета в эпоху террора заставляет практически полностью заменить его состав (в сентябре 1794 года) и заканчивается для его бывших членов жерминальским процессом и высылкой в апреле 1795 года. Именно поэтому, как мне представляется, в «Мемуарах» Барер рассказывает о перевороте не просто как бывший докладчик Комитета общественного спасения, а как человек, пострадавший за то, что сделал на благо Родины. По мнению Барера, его участие в перевороте 9 термидора не только не было вознаграждено, но, наоборот, в термидорианском Конвенте он, как и другие члены Комитета, подвергся незаслуженным преследованиям.

В задачу моей работы не входило вскрыть причины термидорианского переворота, но лишь показать это событие глазами одного из членов Великого Комитета общественного спасения. Как мы видели, корни конфликта внутри Великих Комитетов кроются еще в событиях лета 1793 года, и его эскалация, незаметная для большинства депутатов Конвента, проходит на фоне все нарастающие разногласии группировок в правительстве и достигает своего пика к середине лета 1794 года. Достаточно веские основания поддержать переворот 9 термидора были и у Барера, хотя его едва ли можно назвать одним из активных участников заговора: Барер, безусловно, знал о нем, но окончательно встал на сторону заговорщиков лишь после выступления Робеспьера 8 термидора, содержащего угрозу и ему самому. Судя по воспоминаниям Барера и других современников эпохи, изначально у организаторов заговора против Робеспьера не было намерений изменять или полностью отказываться от системы революционного порядка управления, однако логика событий термидорианского периода сделала такой шаг необходимым. Описание Барером переворота 9 термидора – это взгляд изнутри Комитета общественного спасения, но в то же время это взгляд с позиции очень амбициозного политика, всегда руководствовавшегося в своих действиях практическими соображениями и стремлением остаться у власти, однако, несмотря на все усилия это ему так и не удалось: несколько месяцев спустя после падения Робеспьера Барер потерял свое место в Комитете, а весной 1795 года и вовсе был исключен из Конвента, после чего так и не смог больше вернуться в большую политику.

- 1 См., например: *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. Т. VI. М., 1983. С.434-436.
- 2 См., например: *Олар А.* Политическая история Французской революции. М., 1938. С.607.
- 3 См., например: *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции. 1789-1814. СПб., 1996. С.415; *Манфред А.З.* Великая французская революция. М., 1983. С.196-197.
- 4 См., например: *Furet F., Richet D.* La Révolution française. Paris, 1966. P.258.
- 5 *Brunel F.* Thermidore. La chute de Robespierre. Bruxelles, 1989. P.127.
- 6 Фактически, из относительно последних крупных работ можно назвать только упоминавшуюся выше книгу Ф.Брунеля.
- 7 См., например: *Ревуненков В.Г.* Указ.соч. С.402.
- 8 См., например: *Duval G.* Souvenirs thermidoriens. Vol.I. P.240; *Furet F., Richet D.* Op.cit. P.250.
- 9 См., например: *Garatspan D.-J.* Mémoires. Paris, an III. P.55, 140; *Barras P.* Mémoires de Barras, membre du Directoire. Paris, 1895. Vol.I. P.204.
- 10 *Vilate J.* Causes secrètes de la Révolution du 9 au 10 thermidor politique, rédigé en l'n II par C. Desmoulins. Paris, 1825. P.229.
- 11 См., например: *Baudot M.-A.* Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exile des votants. Genève, 1974. P.186.
- 12 *Meillan A.-J.* Mémoires de Meillan. Paris, 1983. P.6.
- 13 Ibid. P.6-7.
- 14 См., например: *Michelet J.* Histoire de la Révolution Française. Paris, 1850. Vol.V. P.113, 460-461, 520; Notice historique par H.Carnot; *Barère B.* Mémoires de B.Barère. Bruxelles et Leipzig, 1842. Vol.I. 2-40.
- 15 См., например: *Олар А.* Указ.соч. С.404, 532.; *Манфред А.З.* Споры о Робеспьере; *Манфред А.З.* Очерки истории Франции XVIII-XX веков. М., 1961. С.67.
- 16 См., например: *Palmer R.* Twelve, who ruled. London, 1941. P.109. *Bouloiseau M.* Le de salut public. (1793-1795). Paris, 962. *Brunel F.* Op.cit. P.59.
- 17 *Barère de Vieuzac B.* Op.cit. Vol.II. P.291.
- 18 Ibid. P.337.
- 19 Бюро общей полиции было создано в флореале II года (апрель 1794 года и подчинялось непосредственно Комитету общественного спасения, затрагивая в то же время полномочия Комитета общей безопасности.
- 20 *Матьез А.* Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995. С.563.
- 21 Réimpression de l'ancien Moniteur (далее – Moniteur). Т.24. P.82.
- 22 *Barante A.-G.-P.* Histoire de Nationale. Paris, 1851. V.I. III. P.142.
- 23 Moniteur. Т.24. P.84.
- 24 *Barère de Vieuzac B.* Op.cit. Vol.II. P.363.
- 25 Ibid. P.364.
- 26 La société des Jacobins: Recueil de documents. Т.V. Paris, 1895. P.387.
- 27 Moniteur. Т.8. P.59-62.
- 28 Ibid. Т.19. P.60-63.
- 29 *Barère de Vieuzac B.* Op.cit. Vol.II. P.200.
- 30 Ibid. P.202.
- 31 Ibidem.
- 32 Документы истории Великой Французской революции. М., 1990. Т.1. С.275-277.

- 33 Термин «триумвиры» вошел в политическую лексику после переворота 9 термидора для обозначения Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона.
- 34 *Barère de Vieuzac B.* Op.cit. Vol.II. P.200.
- 35 *Barère de Vieuzac B.* Op.cit. Vol.II. P.203.
- 36 *Archive parlementaires. Sér.1* (далее – AP). Т.91. Paris, 1976. P.482.
- 37 *Barère de Vieuzac B.* Op.cit. Vol.II. P.202.
- 38 *Barras P.* Op.cit. Vol.I. P.170.
- 39 *Barere de Viezac B.* Op.cit. Vol.II. P.205.
- 40 Ibid. P.206.
- 41 См., например: *Savine A., Bourmand F.* Le 9 Thermidor. Paris. P.84.
- 42 *L.* Le Thermidor. Paris, 196. P.15.
- 43 *Barère de Vieuzac B.* Op.cit. Vol.II. P.207.
- 44 Ibid. P.211.
- 45 Ibid. P.205.
- 46 *Robespierre M.* Œuvres. Paris, 1967. Vol.X. P.542-579.
- 47 *Baudot M.-A.* Op.cit. P.26.
- 48 *Gallais J.-P.* Histoire de France depuis la mort de Louis XVI jusqu' au 1815. Paris, 1820. Vol.1. P.177-178.
- 49 *Barante A.-G.-P.* Op.cit. Paris, 1851. Vol.IV. P.405
- 50 *Hamel E.* Histoire de Robespierre et du coup d' Etat du 9 Thermidor. Paris. Vol.3. P.494.
- 51 *Barère de Vieuzac B.* Op.cit. Vol.II. P.190.
- 52 *D' Héricault Ch.* La Révolution de Thermidor. Paris, 1878. P.341-343.
- 53 См., например: *D'Héricault Ch.* Op. cit. P. 342; *Barthou L.* Op.cit. P.58-60.
- 54 *Thibaudeau A.C.* Memoires sur la Convention et le Directoire. Vol.I. Paris. P.82.
- 55 См., например: *Barthou L.* Op.cit. P.52-53.
- 56 AP. Т.93. Paris, 1982. P.535.
- 57 *Barthou L.* Op.cit. P.52-53.
- 58 См., например: *Boldiseau M.* Op.cit. P.109-110; *Жорес Ж.* Указ.соч. Т. VI. С.440; *Матвеев А.* Указ.соч. С.567-568.
- 59 *Robespierre M.* Ouvres. Vol.X. P.542-579.
- 60 AP. Т.93. P.531.
- 61 Ibidem.
- 62 Ibid. P.542.
- 63 Ibid. P.543.
- 64 AP. Т.93. P.553.
- 65 См., например: *Thibaudeau A.-C.* Op.cit. Vol.I. P.87. *Barras P.* Op.cit. Vol.I. P.189-190.
- 66 *Barante A.-G.-P.* Op.cit. Vol.II. P.456.
- 67 AP. Т.93. P.555.
- 68 AP. Т.93. P.556.
- 69 Ibid. P.591.
- 70 Ibidem.
- 71 См., например: AP. Т.93. P.634. 94. P.30.
- 72 AP. Т.93. P.611.
- 73 Ibidem.
- 74 AP. Т.93. P.612.
- 75 Ibid. Т.94. Paris, 1985. P.30.
- 76 Ibidem.
- 77 Ibid. P.81.
- 78 Ibid. Т.93. P.612.
- 79 Ibid. P.634.
- 80 AP. Т.93. P.637.
- 81 Ibidem.
- 82 Ibid. Т.94. P.118.
- 83 *Barère de Vieuzac B.* Op.cit. Vol.II. P.236.
- 84 Ibidem.
- 85 AP. Т.96. P.78-79.